

УДК 342.565.2

Г. А. ВАСИЛЕВИЧ

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ

Рассмотрены основные вопросы становления конституционного контроля в Республике Беларусь. Проанализированы положения, содержавшиеся в проектах Конституции 1994 г. Высказаны предложения по совершенствованию законодательства в области конституционного правосудия. Акцентировано внимание на необходимости активизации роли системы судов общей юрисдикции в обеспечении верховенства Конституции.

Ключевые слова: Конституция; судебный конституционный контроль; модели судебного конституционного контроля; законодательство о конституционном правосудии.

The article discusses the major issues of constitutional formation in Belarus. In summary, examined the provisions contained in the draft of the 1994 Constitution. Suggestions to improve the legislation in the field of constitutional justice. Focused on the necessity of enhancing the role of the courts of general jurisdiction in upholding the rule of the Constitution.

Key words: Constitution; the constitutional court; judicial constitutional model; the legislation on constitutional justice.

Общепризнанным в юридической литературе является тот факт, что, какими бы ни были уровень развития государства, его национальная правовая система, правовое сознание, качество работы законодательной власти, существует необходимость в постоянном контроле за конституционностью нормативных актов. Это обусловлено активной нормотворческой деятельностью, когда принимается много актов, причем с различной степенью квалифицированности, влиянием политической конъюнктуры, а иногда и элементарными ошибками. Для исключения этих недостатков органы судебной власти наделяются функцией контроля за соответствием Конституции законодательных и иных актов[1]. Ведь только при обеспечении верховенства норм демократической Конституции в правовой системе, непосредственном действии ее норм можно утверждать о реальном функционировании правового государства. Тем самым реализуется такой важнейший принцип государства, как конституционность – система действующего права, обеспечивающая наличие правовой Конституции, ее верховенство и прямое действие на всей территории государства, а также ее обеспечение и охрану (защиту)[2].

Как справедливо замечают немецкие ученые, предназначение конституционного правосудия – удерживать законодательство и деятельность правительства в рамках Основного Закона, обеспечивая предпосылки для принятия ими конституционных решений. В отношении Федерального конституционного суда (ФКС) они отмечают, что ФКС влияет «на судопроизводство специализированных судов, учитывая потребности политического процесса <…> Это означает, что он должен обеспечивать стыковку политического процесса в различных областях жизни и с этой целью гарантировать единство судебной практики»[3], используя процессуальные средства.

В мире реализуются различные модели конституционного правосудия. Различают американскую и европейскую модели судебного конституционного контроля. Исходя из круга субъектов, обладающих правом осуществления судебного конституционного контроля, выделяют две разновидности американской модели: 1) контроль осуществляют все суды общей юрисдикции, рассматривая конкретное дело; 2) контроль осуществляют только высшие судебные инстанции. Для американской модели характерно следующее: вопрос о конституционности (неконституционности) нормативного акта решается в контексте рассмотрения конкретного дела (уголовного, гражданского, административного и др.); акт, признанный неконституционным, утрачивает юридическую силу. Верховный суд США подтверждает или отклоняет позицию суда общей юрисдикции по вопросу о конституционности примененного в деле акта. Для

европейской модели свойственно функционирование специализированного органа конституционного контроля. Существует также «смешанная» модель, сочетающая черты американской и европейской моделей конституционного контроля[4].

Как же реализуются конституционные нормы, посвященные судебному конституционному контролю, в Республике Беларусь, какая модель контроля ею предусмотрена? От ответа на этот вопрос зависит определение механизма функционирования судебного конституционного контроля, направления реализации на практике принципа исполнения конституционных норм.

В первом варианте проекта Конституции 1994 г., подготовленном к сентябрю 1991 г. рабочей группой, в составе которой работал и автор данной публикации[5], речь шла о создании Конституционного Совета, на который предполагалось возложить конституционный надзор:

• за соответствием законов, а также заключенных, но не вступивших в силу международных договоров и иных обязательств республики Конституции и признанным ею международно-правовым пактам;

• за соответствием актов, принимаемых Президентом, Советом Министров, а также руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, актов прокурора республики, имеющих нормативный характер, Конституции, законам и международно-правовым пактам.

Предполагалось, что Конституционный Совет представляет Верховному Совету заключения о соответствии законов, международных договорных и иных обязательств республики ее Конституции, международно-правовым пактам по своей инициативе, а также по предложениям не менее одной пятой депутатов Верховного Совета, постоянных комиссий Верховного Совета, Президента, Совета Министров, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, прокурора республики, областных, городских (городов республиканского подчинения) Советов, республиканских органов общественных объединений и Академии наук. Таким образом, предусматривался широкий круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Совет. Однако он мог и сам инициировать рассмотрение соответствующего вопроса.

Юридическая сила актов Конституционного Совета отвечала его названию («Совет»). Так, при несоответствии закона, международного договорного или иного обязательства либо отдельных их положений Конституции или международно-правовым пактам Конституционный Совет направляет Верховному Совету соответствующее заключение. Принятие заключения лишь приостанавливает действие закона, международного обязательства. Заключение могло быть отклонено двумя третями голосов от общего числа депутатов Верховного Совета, т. е. Парламент Республики Беларусь (далее – Парламент) сохранял за собой верховенство в решении этих юридических споров. В то же время нормативные акты других государственных органов и должностных лиц или их отдельные положения, признанные Конституционным Советом несоответствующими Конституции, законам либо международно-правовым пактам, согласно проекту, считаются утратившими силу с момента принятия заключения Конституционным Советом.

Уже в первом варианте (проекте) будущей Конституции закреплялась норма (см. ст. 145 проекта), согласно которой судьи не вправе применять нормативный акт, противоречащий Конституции. Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он обязан в установленном порядке определить вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Уже на том этапе изыскивался реальный механизм обеспечения непосредственного (прямого) действия конституционных норм.

Отметим, что проект Конституции, рассмотренный на заседании Конституционной комиссии 30 сентября 1991 г., был скорректирован следующим образом: Конституционный Совет стал Конституционным Судом. Однако его решения сначала приостанавливали действие неконституционного закона, Верховный Совет мог отклонить заключение Конституционного Суда, который в свою очередь наделялся правом подтвердить ранее вынесенное заключение. Норма об обязанности судов выносить свои постановления на основе Конституции и обращении в специализированный орган конституционного контроля в этом проекте отсутствовала[6]. Она была восстановлена в проекте, представленном Верховному Совету для рассмотрения 11 ноября 1991 г.[7] В последующем эта норма сохранялась в первоначально предложенной редакции. Что же касается полномочий Конституционного Суда, то происходила постепенная трансформация: в проекте по состоянию на 6 апреля 1992 г. еще содержалась норма о приостановлении Конституционным Судом действия неконституционного акта, Парламент мог отклонить это решение, после чего Конституционный Суд был вправе принять окончательное решение[8].

В проекте Конституции по состоянию на 8 октября 1992 г., предложенном для рассмотрения на десятой сессии Верховного Совета, сохранялась та же «схема» взаимодействия Конституционного Суда и Парламента, однако внимание акцентировалось на том, что при признании акта противоречащим Конституции, если им затрагивались права и свободы человека, он теряет силу с момента принятия такого акта[9].

Прообраз ныне закрепленной в Конституции 15 марта 1994 г. системы взаимоотношений судов и Конституционного Суда, юридическая сила его актов (см. ст. 112, 116 Конституции) зафиксированы в проекте Конституции по состоянию на 11 марта 1993 г.[10]

Таким образом, разработчики проектов Конституции, белорусский Парламент последовательно шли к установлению такой модели судебного конституционного контроля, при которой обеспечение верховенства конституционных норм возлагалось как на суды (общие и хозяйственные), так и на Конституционный Суд, вердикт которого имел решающее значение, был обязательным для судов. Исходя из смысла конституционных требований, они были обязаны привести в соответствие с позицией Конституционного Суда ранее вынесенное постановление по делу, если между ними были разночтения.

Анализируя нормы Конституции в их взаимосвязи, можно сделать вывод о том, что Основным Законом предусмотрена смешанная система судебного конституционного контроля. Потенциально, на наш взгляд, она более эффективна и динамична, если, конечно, имеются запросы судов в Конституционный Суд.

В первые годы деятельности Конституционного Суда, в частности после референдума 1996 г., автор обращал внимание руководителей высших судебных инстанций общих и хозяйственных судов на то, что не реализуются требования ст. 112 Конституции, направленной на взаимодействие с Конституционным Судом. Изучалась практика, например, хозяйственных судов о признании актов не имеющими юридической силы. Значительное количество среди всех правовых актов, в том числе правоприменительного характера, составляли рассмотренные хозяйственными судами нормативные правовые акты, что относилось к юрисдикции Конституционного Суда, если этот вопрос не увязывался в контексте конкретного дела.

«Включение» всей системы судебной власти в деятельность по контролю за соответствием нормативных актов Конституции продиктовано не только формальным требованием – соблюдением Основного Закона. Без этого существует огромный риск неудачи в формировании правового государства.

Ю. А. Тихомиров справедливо обращает внимание на конституционные риски. Он имеет в виду «прежде всего политические факторы, которые влияют или могут повлиять на устойчивость конституционно-правовых регуляторов»[11], что может повлечь тяжелые последствия. «Предотвращение конституционных рисков на стадии подготовки конституционных решений. Процесс реализации конституционных положений и действия Конституции в целом, ее защита должны быть в фокусе патриотизма граждан (как это закреплено в Конституции ФРГ и Конституции Греции), всех государственных и общественных институтов. Конституционный риск опасен еще и тем, что его деструктивный потенциал обладает системным характером»[12].

Опыт показывает, что граждане или их представители, участвующие в рассмотрении дела в суде, нередко заявляют перед ним ходатайство об обращении в Конституционный Суд, однако эти ходатайства не получают удовлетворения. Обращение к другим уполномоченным субъектам (см. ст. 116 Конституции) также не дает результата. Подобную практику необходимо менять. Ведь в таком случае не реализуется законное право гражданина на обращение в тот орган, который, по его мнению, может восстановить нарушенное право. Особенно недопустимо игнорирование таких обращений (ходатайств) со стороны судов. Ведь и суды могут получить поддержку правильности своей позиции. При отсутствии обращения в Конституционный Суд гражданин полагает, что ему не дали возможность «добиться» правды. Автор согласен с позицией Э. М. Мурадьяна, что «судебная защита – право. Обращение за ней – не просьба о милости, а этически корректное и юридически обоснованное требование. Право на судебную защиту гарантировано Конституцией»[13]. Доступ к правосудию – важнейшая гарантия реализации прав человека в различных сферах отношений[14].

В юриспруденции обращения граждан рассматриваются в качестве одной из форм обратной связи между государственными органами и гражданином. Как полагают российские авторы, обращение – правомерное действие, состоящее в предъявлении требований об осуществлении и охране субъективных прав и интересов[15]. Конституционный Суд, в случае когда возникает сомнение в конституционности нормативного правового акта, является той вершиной, после достижения которой все субъекты спора обязаны действовать в соответствии с его заключением.

По мнению Н. С. Бондаря, Конституционный Суд – универсальный институт обеспечения баланса власти и свободы[16]. Разрешая конкретные дела о конституционности оспариваемых норм, толкуя Конституцию, Конституционный Суд раскрывает содержание соответствующих норм, создает условия для оптимизации публичной власти[17]. В этом и состоит огромный позитивный потенциал воздействия Конституционного Суда на процесс нормотворчества и правоприменения и предназначение этого органа власти.

Развитие конституционного правосудия – отражение процесса становления правовой государственности. Конституция в виде содержащихся в ней руководящих идей дает законодателю и судам, прежде всего Конституционному Суду, не только инструмент определения содержания будущего закона, но и его толкование, являющееся для Конституционного Суда критерием при установлении конституционности либо неконституционности конкретного закона.

Конституционные нормы и принципы создают правовую парадигму, поскольку отражают и одновременно формируют концепции законодательного развития государства и общества. Конституционный Суд как высшая юридическая инстанция по разрешению правовых коллизий фиксирует в своих решениях истинность той или иной концепции. В этой связи он (Конституционный Суд) не имеет права на ошибку.

Со второй половины 1994 г. началась деятельность Конституционного Суда уже непосредственно в виде принимаемых им решений. Согласно ст. 127 Конституции в редакции от 15 марта 1994 г. Конституционный Суд по предложениям уполномоченных субъектов давал заключения о конституционности широкого круга нормативных правовых актов. При этом он вправе был по своему усмотрению решить вопрос о соответствии нормативных актов любого государственного органа, общественного объединения Конституции.

Позитивной, на наш взгляд, была запись в тексте ст. 128 Конституции, согласно которой нормативные акты, международные договорные или иные обязательства, признанные Конституционным Судом неконституционными ввиду нарушения ими прав и свобод человека, считаются не имеющими юридической силы в целом либо в определенной их части с момента принятия соответствующего акта. Другие нормативные акты, признанные Конституционным Судом несоответствующими Конституции, законам или международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, считаются утратившими силу в целом или в определенной их части с момента, определяемого Конституционным Судом.

Существенной конституционной гарантией была запись в ст. 129 о том, что заключения Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат.

Ряд изменений в правовом статусе Конституционного Суда произошел в результате проведенного 24 ноября 1996 г. народного голосования по тексту Конституции. Конституционный Суд лишился права возбуждения производства по собственной инициативе, в тексте Конституции не оговаривалась юридическая сила заключений, он перестал быть субъектом права законодательной инициативы и др. Ключевой стала ст. 116 Конституции, весьма объемная по содержанию, определяющая основу правового статуса Конституционного Суда.

Важной вехой в правовой регламентации деятельности Конституционного Суда стали изменения в законе «О Конституционном Суде Республики Беларусь», внесенные 7 июля 1997 г., принятие Кодекса о судоустройстве и статусе судей Республики Беларусь, а также издание 26 июня 2008 г. Декрета Президента Республики Беларусь № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» (далее – Декрет) и др.

Анализ конституционных норм, актов текущего законодательства, практики Конституционного Суда, его взаимоотношений с иными субъектами государственной власти позволяет выделить три этапа деятельности Конституционного Суда.

Первый этап (с 1994 г. – начала формирования Конституционного Суда – до 27 ноября 1996 г.) – период становления Конституционного Суда, определения им своего места в системе государственной власти и в то же время сильной подверженности политическому влиянию со стороны депутатов, воздействию средств массовой информации. Для этого этапа характерны активность как в части возбуждения судом производств по делам о проверке конституционности нормативных правовых актов, так и активного комментирования судьями принятых решений, политических процессов, попытки занять нейтральную позицию, обеспечивая лишь верховенство Конституции. В этот период Конституционный Суд практиковал принятие различного рода заявлений.

Второй этап (с 27 ноября 1996 г. до вступления в силу Декрета) – реформирование Конституционного Суда, обновление законодательства о Конституционном Суде. В частности, была предусмотрена возможность оглашения заключения Конституционным Судом не сразу после завершения слушаний и ухода судей в совещательную комнату, а в течение пятнадцати дней после этого, что позволило судьям принимать решения в спокойной обстановке, взвешивая свою позицию. Осуществлялось активное взаимодействие Конституционного Суда и субъектов, обладающих правом внесения предложений в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных правовых актов. Активность Конституционного Суда по вынесению решений о конституционности нормативных правовых актов не только республиканских, но и органов местного управления и самоуправления базировалась исключительно на конституционной основе – нормах, содержащихся в ст. 7, 60, 112, 116, 137 Конституции.

Конституционный Суд стал активно ссылаться в своих решениях на правовые принципы, которые укрепляли его позицию, оказывая тем самым воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность. Как справедливо отмечает профессор Л. Ф. Евменов, проблема принципов является ключевой в правах человека[18]. В европейской практике (судебной, иной правоприменительной), например в Австрии, Германии, Греции, Испании, принципы рассматриваются в качестве источника права. У нас эта идея пока пробивает себе дорогу.

Выносились не только заключения по предложению субъектов, указанных в части четвертой ст. 116 Конституции, но и практиковалось рассмотрение конституционных жалоб относительно нормативных правовых актов местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов по совершенствованию актов действующего законодательства[19]. На данном этапе деятельности Конституционный Суд активно реализовывал свое право последующего конституционного контроля. Его заключения и иные решения открыли простор для реализации многих конституционных принципов и норм, их непосредственного действия, ускорили процесс обновления законодательства, исключили действие архаичных и противоречащих Конституции положений текущего законодательства и практики его применения, содействовали формированию правового сознания граждан и должностных лиц.

Отметим, что Конституционный Суд в это время занимал последовательную позицию, нередко обращения касались различных граней одной проблемы. Несмотря на это Конституционный Суд сумел избежать противоречий в решениях. Снято большинство ограничений на судебную защиту, обеспечена доступность правосудия, гарантировано право на квалифицированную юридическую помощь (например, постановлением министра внутренних дел был гарантирован порядок общения задержанного с адвокатом в условиях конфиденциальности его разговора), ряд решений касался реализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Третий этап, на наш взгляд, начался со вступления в силу Декрета и реализации Конституционным Судом его положений. Позитивно оценивая дальнейшее расширение полномочий Конституционного Суда, все же заметим, что это привело к фактическому умалению такого важного и традиционного для органов судебного конституционного контроля явления, как последующий (репрессивный) контроль. В этот период Конституционный Суд в определенной мере продолжил практику внесения в нормотворческие органы предложений по совершенствованию текущего законодательства. Однако прекратил принятие решений по обращениям граждан относительно конституционности нормативных актов органов местного управления и самоуправления. Ранее Конституционный Суд активно использовал закрепленное в ст. 122 Конституции право на вынесение решения о конституционности актов указанных органов. В предшествующий период таких решений принималось более десятка. Они способствовали упорядочению нормотворческой деятельности на местном уровне, прежде всего в области налогообложения.

В 2008 г. в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов Конституционный Суд рассмотрел 102 закона, из них 3 кодекса, 24 общих и специальных закона, 40 законов о внесении изменений и дополнений и признании утратившими силу законодательных актов, 35 законов о ратификации международных договоров Республики Беларусь. По результатам обязательного предварительного контроля все проверенные законы признаны соответствующими Конституции. Вместе с тем в некоторых решениях Конституционный Суд обращал внимание на некорректность формулировок законов. Аналогичные подходы характерны и для последующего периода деятельности. Отметим усиление аргументации Конституционного Суда при вынесении решений, в которых внимание акцентировалось на важнейших конституционных принципах и нормах. В 2009 г. в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов Конституционный Суд рассмотрел 104 закона, в том числе 44 закона о ратификации международных договоров Республики Беларусь. В 2010 г. это количество составило 129 законов, в том числе 80 законов о ратификации международных договоров; в 2011 г. – 109; в 2012 г. – 113.

Таким образом, можно указать на интенсивную деятельность Конституционного Суда по осуществлению предварительного конституционного контроля. Это значительно ослабило последующий конституционный контроль, который, на наш взгляд, является эффективным, прежде всего за счет конкуренции (состязательности) сторон в деле.

В связи с этим автор уже предлагал несколько изменить законодательство, а именно: исключить сплошной предварительный контроль принятых законов, определить те из них, которые являются наиболее важными (программные, кодексы, законы, затрагивающие непосредственно конституционные права и свободы граждан и т. п.), в остальных случаях предоставить право гражданам на обращение в Конституционный Суд по поводу проверки конституционности принятых Парламентом законов, т. е. развивать институт конституционной жалобы. На сайтах палат Парламента с этой целью должны размещаться рассматриваемые палатами законы. После издания Декрета оппонентам уже трудно возражать против правовой возможности расширения круга субъектов, имеющих право обращения в Конституционный Суд, что автор отстаивал в течение многих лет и что, наконец, было реализовано в 2008 г. Наше предложение обусловлено и нежелательной избыточностью предварительного контроля, ведущей к девальвации конституционного контроля.

Это способствовало бы развитию принципа состязательности в рамках конституционного судопроизводства, который закреплен в Законе «О конституционном судопроизводстве», а ранее был закреплен в Законе «О Конституционном суде Республики Беларусь». На законодательном уровне следует определить, что является грубым и систематическим нарушением Конституции (когда оценивается деятельность палат Парламента), а также какие действия местных Советов депутатов являются систематическим и грубым нарушением законодательства. На наш взгляд, систематическими могут считаться нарушения, совершенные в течение одного года. Что касается роспуска палат Парламента по причине принятия законов, нарушающих (грубо или систематически) Конституцию, то это возможно, когда речь идет о законах, по которым были высказаны возражения Президента, однако его вето преодолено. Если же закон прошел предварительную проверку в Конституционном Суде без каких-либо замечаний, подписан Президентом, то в дальнейшем некорректно ставить такой вопрос. Относительно определения того, что является грубым нарушением, необходимо исходить из оценки наступивших последствий либо тех последствий, которые могут наступить.

Автор позитивно оценивает Закон от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон). В нем воплотились многие положения, ранее содержавшиеся в Регламенте Конституционного Суда Республики Беларусь, а также идеи (принципы и нормы), апробированные в Беларуси, Российской Федерации и других зарубежных странах.

В связи с изданием Декрета важно было формализовать всю процедуру, относящуюся к осуществлению предварительного контроля. Это также решено в Законе. В нем уделено внимание особенностям производства по отдельным категориям дел. При этом закреплено, что рассмотрение вопроса в порядке предварительного контроля не лишает Конституционный Суд права его рассмотрения в порядке последующего контроля.

Читая Закон, автор с удовлетворением отмечает, что ряд его идей и предложений, высказанных еще в 1990-е гг. и вызвавших споры и возражения со стороны иных участников обсуждения, реализованы в Законе. Прежде всего, опираясь на анализ конституционного текста, автор отстаивал идею о возможности расширения на основе Закона компетенции Конституционного Суда по сравнению с теми полномочиями, которые непосредственно закреплены в ст. 116 Конституции. Естественно, что расширять полномочия Конституционного Суда позволительно лишь с учетом его природы и предназначения. После принятия Декрета голоса противников умолкли, не будут они высказываться против и в связи с принятием Закона. В свое время велись жаркие дебаты относительно того, каким актом необходимо осуществлять официальное толкование заключения, решения Конституционного Суда. То, что отстаивал автор, нашло закрепление в Законе: официальное толкование заключения, решения осуществляется в соответствии с порядком реализации конституционного судопроизводства путем принятия Конституционным Судом акта того же вида, что и акт, в отношении которого осуществляется толкование. В первые годы деятельности Конституционного Суда имели место случаи, когда заключения толковались путем принятия им актов в форме решений. Не учитывалось, что правовой статус решений совершенно иной (не обязательный для исполнения) нежели заключений, которые являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. Заключения обязательны для исполнения.

Таким образом, Закон создает добротную основу для реализации конституционного судопроизводства. Вместе с тем, хотелось бы высказать некоторые предложения, которые, на наш взгляд, следовало бы решить в Законе или иных законодательных актах в целях повышения роли конституционного правосудия.

Тот факт, что наряду с Конституцией, иными законодательными актами расширен круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд, подтверждает ранее высказанное и обоснованное мнение о такой возможности. Поэтому следовало бы упростить процедуру обращения судов в Конституционный Суд: их запросы могли бы направляться непосредственно, минуя Верховный Суд. В настоящее время запрос суда относится к своего рода инициативным.

Как при подготовке Декрета, так и с учетом редакции Закона возражение вызывает закрепление в нем нормы о даче Конституционным Судом официального толкования декретов и указов Президента, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан. Во-первых, это не является функцией Конституционного Суда. Во-вторых, могут возникнуть противоречия между аутентическим толкованием, которое может быть дано самим Президентом, и толкованием Конституционным Судом. Исходя из Закона следует, что акт толкования Конституционного Суда выше, чем толкование, даваемое Президентом: согласно ч. 15 ст. 85 Закона толкование Конституционного Суда является обязательным для государственных органов, иных организаций, должностных лиц и других граждан, т. е. и для Президента.

В Законе имеется общая отсылка к тому, что за неисполнение вступивших в законную силу не только заключений, но и решений Конституционного Суда либо воспрепятствование их исполнению наступает ответственность согласно законодательным актам. Осознанно ли на это пошел законодатель, инициаторы законопроекта? Ведь ответственность должна наступать и за неисполнение решения Конституционного Суда, принятого в порядке предварительного контроля, представленного на подпись Президенту. Надо учитывать, что уже сейчас в таком законодательном акте, как Уголовный кодекс (ст. 423), за неисполнение судебного акта предусмотрена ответственность должностных лиц в виде штрафа или лишения права занимать определенные должности или иметь определенную деятельность.

В завершение отметим, что Закон вполне можно было бы принять как кодекс. Это позволило бы правильно разрешать возможные коллизии с Кодексом о судоустройстве и статусе судей. Ведь кодекс, даже если он принят ранее, чем закон, обладает большей юридической силой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2001. С. 635 ; Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для вузов. 17-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 207–208.

[2] См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс : учеб. пособие. 2-е изд., переаб. и доп. М., 2005. С. 44–45.

[3] Изензее Й, Кирххоф П. Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 227.

[4] См.: Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. В. Еремина. М., 2007. С. 15–119 ; Harutyunyan G., Mavcic A. Constitutional review and its development in the modern world (a comparative constitutional analysis). Yerevan ; Ljubljana, 1999.

[5] См.: Василевич Г. А. Проекты Конституции Республики Беларусь: поиск оптимальной модели (1990–1994). Минск, 2014. С. 58–84.

[6] Там же. С. 85–110.
[7] Там же. С. 111–138.
[8] Там же. С. 139–161.
[9] Там же. С. 162–184.
[10] Там же. С. 185–206.
[11] Тихомиров Ю. А, Шахрай С. М. Риск и право : науч. изд. М., 2012. С. 18.
[12] Там же. С. 19–20.
[13] Мурадьян Э. М. Судебное право. СПб., 2007. С. 181.
[14] См.: Жуйков В. М. Судебная реформа в прошлом и настоящем. М., 2007.
[15] См.: Лучин В. О., Доронина О. Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд РФ. М., 1998. С. 13–15.
[16] См.: Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М., 2006. С. 27.
[17] См.: Лучин В. О., Доронина О. Н. Указ. соч. С. 29–30.
[18] См.: Евменов Л. Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. Опыт философского исследования. Минск, 2000. С. 60.
[19] См.: Василевич Г. А., Кеник К. И., Подгруша В. В. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь как фактор совершенствования национального законодательства. Минск, 2007.

Поступила в редакцию 30.04.2014.

Григорий Алексеевич Василевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права.